

Кочубеева Л. А.

**ПО ПОВОДУ СТАТЬИ НАДЕЖДЫ МЕДВЕДОВСКОЙ
«СЛОВА И СОЦИОНИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ»**

Ответ на рецензию Н. Медведовской с разъяснением методологической позиции авторов книги «Соционика. Семантика информационных аспектов».

Ключевые слова: соционика, психология, филология, лингвистика, тип личности, аспект информационного потока.

Прежде всего, хочу поблагодарить Надежду Медведовскую за то, что — спасибо её статье — у меня появились возможность и желание высказаться. Ей-богу, давно хотелось, да все как-то было недосуг, а статья легла на нужную чашу весов.

В статье Н. Медведовской масса интереснейших идей и мыслей, рассыпанных буквально «между строк», — например, упоминание о необходимости исследовать и другие знаковые системы, помимо вербальной, — по-моему, это крайне ценная мысль! С моей точки зрения, именно подобные места представляют собой основную ценность данной статьи. Конечно, местами можно поспорить с выводами, которые делает автор. Так, продолжая мысль **о существовании других знаковых систем**: простите, но их наличие ну **никак** не противоречит тезису Г. Р. Рейнина «Нет в осознании — нет в языке», если под «языком» понимать не узко вербальный — русский, украинский, английский — язык, а **любую** знаковую систему, обладающую собственной логикой, структурой, символическими значениями, смыслами, эмоциональными привязками... Думаю все же, что дорожные знаки мы сюда включать не будем, как вещь сугубо прикладную, узко функциональную. А вот музыка — дело совсем другое! Мне известны попытки «привязать» отдельные единицы музыкального языка как к полюсам шкал, так и к аспектам, но пока что, по-моему, все эти попытки были разовыми, любительскими и особых результатов не принесли. Но — повторю — идея хорошая и плодотворная. Ау, господа соционики, есть ли среди Вас профессиональные музыканты (или наоборот — не суть важно)?

А ниже по тексту Н. Медведовская пишет: «*По моему мнению, исследуя проявления «сильных аспектов» в языке представителей разных ТИМов, нельзя игнорировать воздействие **витальных функций***». Очень, очень здравая мысль! Только, как и с «*другими знаковыми системами*», имеет смысл воспринимать ее не как критику, а как указание на направление дальнейших исследований в соционике. Еще примеры того, как автор намечает перспективы развития соционики и ее плодотворного взаимодействия с лингвистикой: «*Например, можно сравнить концепцию Питерской Рабочей группы с моделью русской языковой картины мира московской семантической школы Ю. Д. Апресяна*». Сама РГ этим, скорее всего, заниматься не будет (хотя — кто знает?), но мысль интересная. Так же как и утверждение о необходимости диахронического подхода наряду с синхроническим (который был основным в нашей книге). Собственно говоря, Н. Медведовской имеет смысл предложить эти идеи не соционикам, а коллегам-лингвистам.

Я полностью согласна с критическим замечанием по поводу **путаницы в терминологическом словаре** в связи с терминами «функция», «установка» и «процесс». Они, действительно, определены не очень четко. С моей точки зрения, для описания работы психики уместнее пользоваться общепринятыми психологическими терминами (добавим — современными!) «процесс» и «состояние»; ну а всё, что К. Г. Юнг называл «функциями» и «установками», вкуче с «признаками Рейнина», именовать либо «функциями», либо «шкалами», т. е. тем, что описывает и измеряет и процессы, и состояния. От термина «установка» следует отказаться как от неточного и запутывающего народонаселение — отчасти он дублирует понятие «функция», а отчасти синонимичен слову «состояние» в его сугубо психологическом смысле, т. е. фактически в нем смешаны ДВА понятия: действие, «движение» психики и измерительный инструмент этого самого действия или движения. Пиетет перед Юнгом, это, конечно, прекрасно, но взаимопонимание и развитие науки все-таки, очевидно, важ-

нее... К сожалению, поскольку данный абзац (с. 137) был написан БЕЗ моего личного участия, только сейчас я могу высказать свою точку зрения в этом вопросе.

А вот следующий ниже пассаж поверг меня в недоумение: *«Думается, при исследовании проявлений информационных аспектов на уровне лексического значения дихотомический подход настолько сужает и опроцает сложный объект анализа, что полученные результаты не могут служить надёжным критерием идентификации аспектов на практике»*. — Откуда это следует? На основании чего (каких данных, экспериментов, показателей) сделан такой вывод? И если даже допустить, что к теме данного исследования применим троичный принцип, то как именно Н. Медведовская предполагает его использовать? С моей точки зрения, подобного рода критика не конструктивна и представляет собой просто негативное «клеймо», походя поставленное на результаты работы целого коллектива.

Также я бы на месте Надежды Медведовской поостереглась оскорблять совершенно незнакомых ей людей и называть «ограниченными» и «вульгарными» на основании того, что в ходе изучения «их» аспекта было зафиксировано много разговорных выражений и идеофонов. В конце концов, мы и изучали устную разговорную речь, а не академические трактаты. И наивно предполагать, что «они так разговаривают». Вы же не считаете, что «белые логики» изъясняются одними сложными предложениями и конструкциями? Скорее, перед нами — некий концентрат, который в обычной живой речи будет «разбавлен» и другими аспектами, да и просто лексикой, выходящей за рамки данных семантических полей (не забудем, что аспектов на самом деле гораздо больше восьми!). Ну, это уж так, надо же и мне душу отвести... Хотя я Гамлетов люблю.. Иногда... ☺

* * *

Некоторые из поднимаемых Н. Медведовской вопросов крайне важны и имеют концептуальное значение для теории соционики (как я ее вижу). Например, в обсуждаемой статье вновь всплывает вопрос, столь же неизбежный в литературе по соционике, сколь, с моей точки зрения, странный: **вопрос о равнозначности и неравнозначности аспектов**. По моему, Н. Медведовская, как и множество (не хотелось бы говорить «большинство») социоников, попала в силлогистическую ловушку, невольную созданную родоначальниками соционики — К. Г. Юнгом и А. Аугустинавичюте: первый из них назвал одно и то же явление различными словами (сиречь функцией и установкой), вторая закрепила это неравноправие в модели А. На фоне того, что они сделали, это даже и не ошибка — обмолвка. Однако (и вот вам пример, как особенности словоупотребления СОЗДАЛИ особенности мышления!) в соционическом мышлении это неравноправие закрепилось и обрело крепость догмы. В которой, по-моему, давно пора усомниться.

Ну, скажите мне, господа соционики: равнозначны ли длина, ширина и высота? Или уши, ноги и хобот слона — равнозначны ли они между собой? Характеристики, описывающие музыку, — громкость, тембр, высота, темп и т. д. — равнозначны или нет? Также было бы достаточно странным видеть, как некто рассуждает о неравнозначности психических и/или физиологических процессов — памяти, внимания, воли, психомоторики; зрения, слуха, обоняния, вибрационного аппарата... Так **почему**, по какой такой логике мы допускаем мысль о неравноправии функций, описывающих эти процессы? И вообще о существовании какой-то иерархии среди них? Исходя из привязки к модели? Но не ставим ли мы тем самым телегу впереди лошади: ведь любая модель — это всего лишь *метод* описания реальности (как карта); и если реальность и модель расходятся, имеет смысл менять все-таки описание, а не пытаться подогнать под него реальность (в данном случае психическую). Создать новую и более корректную модель с учетом ВСЕХ имеющихся данных (а их со времен появления модели «А» накопилось немало). И ее дидактическую версию для тех, кто только начинает изучать соционику, чтобы не путать еще и их... А ежели кто боится, что от этого пострадает авторитет Аушры, — ну так не пострадал же авторитет Ньютона от того, что его законы тяготения оказались частным случаем более общих законов... И довольно об этом.

Методика психолингвистического эксперимента

Мне жаль, что краткость в описании проведенных нами экспериментов вызвала у Н. Медведовской сомнения в нашей научной, профессиональной и человеческой добросовестности. Может быть, я кого-то разочарую, но никаких «манипуляций с сознанием», равно как и «предварительных тренингов», на заседаниях РГ не проводилось. То, что мы называем «настройкой» — это именно «настройка» и есть, т. е. самопроизвольный процесс, занимающий минут 15-20 и происходящий в **любой** группе людей, которые в **таком** составе и для **такой** задачи собрались впервые. Напротив, члены РГ всячески пытались свести этот этап к минимуму, чтобы как можно быстрее перейти к рабочей фазе. Именно поэтому, когда в резонансной группе присутствовал кто-то из участников РГ, он читал список и проводил опрос, т. е. попутно структурировал происходящее. Если никто из участников РГ в резонансную группу не входил, то группа **сама** назначала «ведущего» из своих рядов, РГ в этот процесс не вмешивалась.

Никаких манипуляций эти действия (чтение и опрос) в себя не включали. Опрос преследовал две цели: а) услышать согласие либо несогласие со стимульным материалом, б) собрать возникающие у участников ассоциации. То, что в процессе работы возникало общее смысловое и одновременно энергетическое поле, названное нами *резонансным*, является, если можно так сказать, «побочным эффектом» эксперимента, требующим дальнейшего изучения и развития; но не его целью. То, что эти поля у разных аспектов имели разное качество (они ощущались по-разному; группы по-разному себя вели и т. д.), безусловно, интересно, но скорее уже относится к теории малых групп в соционике, нежели к исследованию семантики аспектов.

Я могу согласиться с тем, что у группы в процессе ее взаимодействия формировалось выраженное «коллективное сознание», включающее установку на собственную экспертность и некомпетентность «внешнего круга», но не вижу, почему это вызывает какие-то подозрения у Н. Медведовской. Подобное явление самопроизвольно происходит в любой группе, решающей общие задачи, и в психологии именуется «**групповой сплоченностью**». Да, ее можно создать искусственно и ею можно управлять — но точно так же она возникает сама собой у бригады лесорубов, которая вместе валит сосну (вопрос: а кто манипулирует ими?).

На языковом уровне эта самая сплоченность выражалась в том, что группа (любая, включая те, где НЕ участвовали члены РГ) быстрее принимала решения, давала больше ассоциаций, отчетливее дифференцировала лексику как «свою» и «не свою» (опираясь ТОЛЬКО на ощущения участников внутреннего круга, внешний круг — эксперты — сидел и помалкивал). «Настройка на определенные реакции», безусловно, происходила — в процессе работы — и ИМЕННО ОНА давала возможность если не на 100% отсеять, то свести к минимуму проявления других аспектов и «витальных функций», о чем так печется Н. Медведовская.

Все это говорит только о том, что *психологически* эксперимент был организован грамотно. Чего, к сожалению, не скажешь о *технической* стороне дела. Теперь, по истечении времени, мне самой это видно очень ясно, и я склонна согласиться с большинством замечаний и Н. Медведовской, и цитируемых ею Д. Лытова и В. Ореховски — о невнятном описании, о необходимости присутствия «наблюдателей от ООН» (не социоников), от себя добавлю о необходимости фиксировать процесс эксперимента на независимые технические носители (видеокамеру, диктофон). Ну что ж, быть первыми всегда труднее, все шишки валятся без разбора. Зато в очень выгодной позиции находятся те, кто спустя время решаются повторить подобные эксперименты, т. к. они могут учесть все справедливые технические замечания.

Выбор единиц анализа

Н. Медведовская пишет: «...*основной единицей анализа должна была послужить семема или же ЛСВ — лексико-семантический вариант, оба термина употребляются*

именно как базовые единицы семантического анализа. Но избранная авторами методика эксперимента и обработки результатов ориентируется преимущественно на лексематический уровень, то есть основной единицей анализа служит отдельное слово».

Действительно, в научном лингвистическом исследовании так было бы более корректно. Беда только в том, что в данном случае автор не учитывает контекста, в котором проводились исследования РГ, а именно — наличие массы несистематизированного материала, кочующего из одной популярной соционической книги в другую и попутно обрастающего всяческими мифами; и преимущественно лексический (не семантический!) уровень этого самого материала. Да, мы попытались задать планку выше, введя (местами) и семантический уровень анализа, но, как говорят, «что имеем — с тем работаем...».

В общем, лексические «завалы» тоже требовали определенной чистки, и никуда от этого не денешься. Считаю нашей заслугой то, что мы вообще **впервые** в соционике ввели в оборот еще и уровень семантики и обратили внимание на проблему полисемии.

Что касается того, о чем пишет Н. Медведовская, то это опять-таки задача для дальнейших исследований, производимых профессиональными лингвистами совместно с социониками. А для широкой публики в любом случае необходим простой, удобный и понятный словарь, т. е. содержащий преимущественно лексический уровень с небольшими семантическими вкраплениями. Позволю себе аналогию с двуязычными словарями, которые также не избегают трудностей, связанных с полисемией и семантическими полями. И здесь, как и в случае с иностранным языком, обладание подобным словарем **не заменяет** и не отменяет знания самого иностранного языка. Но дает возможность хотя бы примерно понять смысл текста на чужом языке. Так и в соционике — обладание сколь угодно совершенным словарем аспектов недостаточно для того, чтобы быть профессионалом. Но вот подспорьем в обучении он вам может стать.

При внимательном прочтении статьи Н. Медведовской становится очевидно, что отныне в «соционической психолингвистике» мы имеем две различные задачи, две линии развития — теоретическую (где необходимы грамотные исследования на уровне новейших достижений лингвистики) и практическую (пополнение и дальнейшую корректировку словарей для пользователей). В нашей работе присутствовали оба плана — теоретический и практический, дальнейшее же их сосуществование в таком виде и невозможно и бессмысленно.

Культуральный аспект

В предисловии к статье Н. Медведовская упрекает РГ за то, что не были произведены сравнительные кросс-культурные исследования, и за приверженность к «универсальному подходу».

Здесь у меня есть возражения.

Первое: универсальный подход к языковым реалиям имеет такое же право на жизнь, как и изучение личной языковой истории индивидов, осознающих себя носителями нескольких культур (и языков). В нашей работе мы ссылаемся на Вержбицкую, которая как раз и пыталась вычленивать понятия, универсальные для представителей ВСЕХ культур.

Второе: языковая дифференциация может производиться, как справедливо замечает автор статьи, по оси культур (например, речь отдельных социальных групп), по оси языков (словоупотребление и/или грамматика и/или особенности картины мира носителей русского и украинского языка; или, например, различия основного языка и диалекта), по оси возраста (аналогичные различия в речи взрослых и детей), по оси гендерных различий, болезни и здоровья (речь шизофреников в сравнении с речью здоровых людей); наверняка можно придумать и иные основания.

Действительно, мы в книге не учитываем все возможные измерения, да и не ставим перед собой такой задачи. Точно так же, как и исследователь, занимающийся изучением, к примеру, гендерных различий, опускает прочие модусы существования языка.

Достаточно указать, что исследование выполнено на материале конкретного языка, возрастной и социальной группы. Я согласна с тем, что в книге не очень четко отражены

критерии подбора участников, отсюда у профессионального лингвиста возникает ряд вопросов. Ниже я вернусь к этой теме, пока же хочу отметить, что книга была в первую очередь адресована соционикам (практикам и теоретикам) и лишь во вторую — лингвистам и психолингвистам; с этим связаны особенности построения текста (поясняются лингвистические реалии, но не поясняются соционические, например).

В работе ставилась задача добавить к существующим осям рассмотрения речевой продукции человека принципиально новую — соционическую. Это первое, и эту задачу в той или иной степени решали до нас все те, на кого мы ссылаемся в списке использованной литературы. Второе — попытка экспериментально проверить накопленную ими информацию. Этого до нас не делал никто.

Вопрос о распространимости результатов на жителей Поволжья или Крайнего Севера, или носителей украинского языка нами ставился в ходе экспериментов, но был отвергнут ввиду его принципиальной неразрешимости на данном этапе. Мое субъективное мнение, как одного из авторов книги и единственного среди ее авторов профессионального лингвиста, состоит в том, что базовая («ядерная») лексика каждого аспекта, будучи близка к «языку примитивов» Вержбицкой, будет универсально применимой для всех его носителей, независимо от того, к какой языковой и культурной группе они относятся. Что касается «периферического» наполнения семантических полей — т. е. большей части конкретной лексики, представленной в словарях, — то да, она будет варьироваться! И, между прочим, мы об этом тоже пишем (стр. 25). Так что в этом вопросе Н. Медведовская стучится в открытую дверь. Да, результаты словаря применимы не буквально, а принципиально. Да, часть конкретной лексики может быть другой. Более того — большинство лексем дано в качестве примера или как маркеры, обозначающие определенное поле значений. Само поле значений будет существовать и в языке африканских зулусов (не ограничиваясь немцами и украинцами, которые все же суть носители европейской культуры), вместе с «ядерной» образующей его лексикой. А вот периферия может быть другой, совершенно другой! Пример? Пожалуйста: лексика семантического поля «Зрелище» в ЧЭ. Явно, что все, связанное с европейским театром, уйдет, взамен добавится что-нибудь из местных красочных обрядов.

Очевидно, что грамматика в языках с иным грамматическим строем — агглютинативных (финский) или изолирующих (китайский) также будет отличаться. Вместо сложных предложений БЛ там существуют принципиально иные языковые средства, выражающие те же смыслы, решающие те же задачи, что и сложные предлоги в европейских языках. По моему предположению, эти языковые средства также будут относиться к аспекту БЛ в его китайском или финском вариантах. И таким образом, мы опять приходим к мысли о необходимости проведения дополнительных и более представительных экспериментов силами профессиональных лингвистов — на семантическом уровне, с учетом полисемии и на материале различных языков, с учетом максимального числа несоционических факторов. В этом мы с автором критической статьи полностью согласны.

Но — это все мечты, планы, перспективы. Измерять ими проделанную работу несколько странно. Да, в нее больше НЕ вошло, чем вошло. Так это же и прекрасно! Получается, что наша работа оказалась на пересечении различных проблематик, от нее тянутся ниточки к самым разным областям научного знания.

По моему глубокому убеждению, соционической лингвистикой (или лингвистической соционикой?) дальше должен заниматься отдельный НИИ, со штатом сотрудников-профессионалов в различных областях и хорошей МТБ, чтобы частотность и прочие параметры оценивал мощный компьютер с соответствующим программным обеспечением, а не отдельные любители. Намечен, как мы видим, уже целый ряд направлений подобных исследований. Помимо чисто лингвистики, было бы неплохо экспериментально проверить гипотезу о физиологических и нейрофизиологических различиях ТИМов и об их соответствии различиям в языке.

Итак — физиологи, психологи, программисты, лингвисты, нейролингвисты, соционики... Тысячи испытуемых, сотни экспериментов... Думаю, что через год-другой работы такого заведения наши споры решились бы сами собой.

А так, фактически, о чем мы спорим? Обидно, что словарь имеет ограниченную применимость и не является соционической панацеей при типировании? Увы, но, как и к любому новому интеллектуальному продукту, к нему надо еще голову прикладывать...